JEL: E01, E20, F02
УДК 330+339+338

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018>

Экономика пандемии: российский путь

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович

академик РАН, доктор экономических наук, профессор
научный руководитель

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск,
680042, Российская Федерация

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. В статье рассматривается развитие российской экономики в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Обобщаются причины длительной стагнации и оцениваются барьеры на пути перехода к восстановительному росту после кризиса 2015–2016 гг. Описана макроэкономическая «ловушка спроса», препятствующая такому переходу. Показано, что возможности выхода из этой ловушки за счет эндогенных факторов отсутствуют, а внешние факторы к началу 2020 г. находились в состоянии неустойчивого равновесия, которое было нарушено начавшейся пандемией. Выполнен анализ предкризисной динамики мировой экономики и показано, что вероятность выполнения внешним спросом функций драйвера российской экономики невелика и, напротив, высока вероятность усугубления стагнации в случае перехода развитых экономик от низких темпов роста к отрицательным. Даже без пандемии мировая экономика балансировала на грани рецессии в связи с тем, что низкий уровень накопления капитала при увеличивавшейся норме долга блокировал рост совокупного спроса. В статье показано, как принудительное ограничение экономической активности в связи с пандемией обусловило отрицательные темпы роста спроса и неадекватный уровню процента и ликвидных запасов государственных бюджетов прирост государственных долгов в основных экономиках мира, что привело к переходу мировой экономики в зону отрицательных темпов роста ВВП и занятости. Выполнены варианты расчетов экономического и финансового ущерба для российской экономики. Оценены параметры экономической динамики в связи с введенными ограничениями экономической деятельности.

Ключевые слова: стагнация, экономическая динамика, кризис, экономическая активность, ущерб, институты

Для цитирования: Минакир П.А. Экономика пандемии: российский путь // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2. С. 7–18. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018>

Pandemic Economy: The Russian Way

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir

Academician RAS, Doctor of Economics, Professor

Research Supervisor

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation

E-mail: minakir@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. The article discusses the development of the Russian economy in the pandemic of a new coronavirus disease. The causes of prolonged stagnation are summarized and the barriers to the transition to recovery growth after the crisis of 2015–2016 are assessed. A macroeconomic ‘demand trap’ is described that impedes such a transition. It is shown that there is no possibility to use endogenous factors to exit this trap, and by early 2020 the external factors were in a state of unstable equilibrium which was disrupted by the beginning pandemic. The analysis of the pre-crisis dynamics of the global economy is carried out and it shows the probability of foreign demand to act as the Russian economy driver is low and, on the contrary, there is a high probability of aggravated stagnation in case of transition from low to negative growth rates in developed economies. Even without the pandemic, the global economy teetered on the brink of recession as low capital accumulation with an increasing rate of debt blocked the growth of aggregate demand. The article demonstrates how the forced restriction of economic activity in the pandemic caused a negative demand growth and the inadequate increase in government debt in the major world economies as to the level of interest and liquid reserves of state budgets that led to the transition of the world economy to the zone of negative GDP growth and employment rates. Variant calculations of economic and financial damage to the Russian economy have been made. The parameters of economic dynamics are estimated in connection with the introduced restraints of economic activity.

Keywords: stagnation, economic dynamics, crisis, economic activity, damage, institutions

For citation: Minakir P.A. Pandemic Economy: The Russian Way. *Prostranstvennaya Ekonomika* = *Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 7–18. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018> (In Russian).

В предыдущем номере журнала рассматривались условия, которые привели и поддерживают перманентно кризисное состояние российской экономики, в значительной степени обусловленное консервацией институциональных ловушек, генерирующих макроэкономический парадокс, согласно которому финансово-экономическая стабильность превратилась из фундамента экономического развития в условие общеэкономической стагнации (Минакир, 2020). Было показано, что причиной перехода российской экономики из состояния кризиса (2015–2016 гг.) в состояние «восстановительной стагнации» вместо перехода к классическому восстановительному росту, как это происходило после кризисов 1998 и 2009 гг., стало проявившееся

отчасти уже после 2009 г. исчерпание потенциала эндогенного развития инклюзивных институтов, обеспечивающих комфортные условия для расширенного воспроизводства. Кумулятивное положительное влияние точечных компенсаторов (рост цен на нефть, девальвация рубля и переключение домашних хозяйств на стратегию долгового финансирования потребительского спроса) (Минакир, 2018) не смогло нивелировать консерватизм общей институциональной парадигмы, основанной на превалировании чистого государственного потребления, как фундаментального фактора роста, над ростом эндогенного спроса за счет прироста производственного и личного потребления бизнеса и домашних хозяйств.

Заслуживавшее лучшего применения упорство в консервации этой макроэкономической парадигмы превращало в безальтернативное условие восстановления экономического роста расширение возможностей государственного сектора (и, соответственно, государственного бюджета) за счет конструирования новых источников внешней ренты. Однако ни военнотехнический экспорт, ни экспорт продовольствия не смогли пока заменить выпадающие рентные доходы от экспорта природных ресурсов. Это предопределило тот факт, что увеличение внутреннего спроса превратилось в ключевой фактор восстановления экономики. При этом ведущую роль в росте внутреннего спроса играет потребительский спрос. Конечно, эффект может быть усилен за счет повышения внутреннего производственного спроса. Но это потребует адекватного увеличения внешнего спроса на конечную продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и вторичного сектора, что предполагает скачкообразный рост объемов внешнеторговых взаимодействий и кардинального изменения ситуации в области встраивания в международное разделение труда (цепочки добавленной стоимости).

Однако именно внутренний конечный спрос домохозяйств и бизнеса оказался наиболее угнетенным фактором. Совокупный эффект государственных закупок товаров и услуг, государственного инвестирования и импортозамещения был достаточен только для удержания уровня совокупного спроса, но был не в состоянии обеспечить его более или менее интенсивный прирост. Определенную поддержку совокупному спросу оказали сельское хозяйство и сопряженные отрасли пищевой промышленности благодаря поддержке со стороны продовольственных антисанкций, а также некоторые подотрасли оборонно-промышленного комплекса благодаря государственным заказам. Но этого оказалось недостаточно в условиях, когда эндогенный рост спроса основной части бизнеса и домохозяйств был блокирован «оптимизацией» как в бюджетном секторе, так и в самом бизнесе под давлением налогов и стагнации потребительских расходов (Минакир, 2020).

В целом внутренний спрос оказался в ловушке. Разрастающийся государственный сектор все сильнее привязывал рост внутреннего спроса к увеличению реальных доходов государственного бюджета, вернее той его части, которая не поглощалась социальными обязательствами государства. В то же время основной макроэкономической парадигмой продолжало оставаться накопление финансовых резервов, которые конкурировали с инвестициями для развития совокупного спроса. Это приводило к сдерживанию затрат на экономическое развитие, включая прирост доходов занятой части населения, а следовательно, к сдерживанию роста совокупного спроса. Соответственно, сокращалась база для формирования доходной части бюджета. Основным инвестор в увеличение спроса (бюджет) оказался не в состоянии обеспечить адекватное потребностям экономики увеличение совокупного спроса. Торможение внутреннего спроса блокировало рост бюджета.

В этой ситуации естественным стимулом для восстановления темпов развития виделся спрос внешний. Однако, как отмечалось практически всеми аналитиками в прошлом году (Ершов, Танасова, 2019), мировая экономика втягивается в период нового торможения. Конечно, правильнее было говорить о том, что период низких темпов роста не преодолевается. Прогнозировалось, что в 2020 г. сохранятся низкие темпы роста, сложившиеся в 2017–2019 гг. на уровне 102,4% (в среднем за период) для США, 101,9% для Европейского Союза, 106,5% для Китая и 103,5% для мировой экономики в целом (Мировой..., 2019). Эти прогнозы казались вполне реальными, учитывая, что все более существенным фактором поддержания темпов роста в ряде стран стали приросты биржевых котировок и рост государственного долга. И конечно эти прогнозы сами по себе были весьма неутешительны с точки зрения возможности использовать внешнюю конъюнктуру для оживления российской экономики. Но еще большую тревогу внушали предсказания о длительном (до 2025 г.) отставании темпов роста мирового экспорта от темпов роста ВВП, что совсем обрушало надежды на поддержку со стороны внешнего спроса (Сокращение..., 2019).

Эти предсказания, конечно, имели основания. Действительно, начавшийся с 2013–2014 гг. после длительной послекризисной рецессии 2009–2012 гг. экономический подъем в мировой экономике плохо вписывался в классическую картину послекризисного восстановления. Невысокий уровень накопления капитала (Григорьев, Макарова, 2019), который резко контрастировал с увеличением долгового навеса, и низкий уровень процентных ставок, который должен был бы по теории способствовать росту накопления, блокировали высокие темпы увеличения совокупного спроса. В этом же направлении действовали также отрицательные ожидания в связи с замедлением экономического роста в Китае и рецессия экономик в Бразилии и России. Собственно говоря, в экономике развитых стран в этот период

возникла такая же институциональная ловушка, как и в России, вернее Россия обрекла себя на стагнацию, воспроизведя сконструированную ими ловушку. Базельские нормативы и основанная на них финансовая политика национальных регуляторов, которые ради предотвращения финансовых дисбалансов, которые после кризиса 2008 г. представлялись главным злом, способным ввергнуть мировую экономику в новый долговой кризис, заблокировали кредитную экспансию (Григорьев, Подругина, 2016), без которой «нагрев» экономики и переход к экономическому росту были невозможны. А без этого «включить» стабилизаторы, обеспечивающие динамический контроль над финансовыми дисбалансами, тоже невозможно. Как итог к 2020 г. мировая экономика подошла в состоянии очень вялого экономического роста. Однако фундаментальных оснований для масштабного мирового экономического кризиса (перегрев экономики, рост цен на рынках сырья, повышение стоимости обслуживания государственных и корпоративных долгов) не отмечалось. Но кризис случился. И почти классический. В результате глобального шока, ставшего внешним для всех экономик мира.

Еще в первом квартале казалось, что мир столкнулся с относительно локальным, хотя и сильным шоком спроса, генерируемым приостановкой экономической активности в Китае в связи со вспышкой коронавирусной инфекции. Китай жестко и стремительно свернул производственную и потребительскую активность. В январе – феврале китайский экспорт по сравнению с тем же периодом 2019 г. снизился на 17,2% (Главное..., 2020). Это привело к проблемам в ряде секторов мировой экономики, учитывая, что за последние 20 лет Китай сумел стать мировым лидером по поставке комплектующих для производства промышленных и потребительских товаров (особенно электроники). К 2020 г. на Китай приходится уже около 20% мировой торговли промежуточными товарами, а для региона Восточной Азии доля Китая в соответствующих поставках возрастает до 40%.

Прямые потери производителей по всему миру от срыва китайских поставок, по оценке ЮНКТАД, только за январь – февраль 2020 г. составили более 50 млрд долл. США, из которых почти 45 млрд долл. приходится на Европейский Союз, НАФТА, Великобританию и страны Восточной Азии – Республику Корея, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Тайвань, Японию, Малайзию (Global..., 2020). Но общий отрицательный эффект оказался значительно серьезнее для мировой экономики. Потребление нефти в Китае упало на 20%, или почти на 3 млн баррелей в сутки (Калмыков, 2020). Это привело к падению цен на 24% уже в феврале, в марте цены на нефть снизились в 2,3 раза по сравнению с мартом 2019 г. (Информация..., 2020). Падение продолжилось после развала сделки ОПЕК+ 9 марта. Это вовлекло в орбиту рецессии Россию, Саудовскую Аравию, США, Венесуэлу, Иран, Мексику, Норвегию и т. д.

С марта 2020 г. волна пандемии, стихая в Восточной Азии, накрыла

практически всю Европу, Северную Америку, большую часть Азии, Россию. Страны закрывались на карантин (разного вида и интенсивности) и практически полностью останавливали целые сектора экономики. Началось широкомасштабное и почти одномоментное обрушение спроса, вызванное не перепроизводством капитала, не эффектом «лопнувшего пузыря» на финансовых рынках, не «долговым заражением», а принудительной остановкой экономической активности. Это повлекло за собой обрушение как производственного спроса в результате разрыва технологических связей и физического уменьшения объема предложения товаров и услуг, так и потребительского спроса вследствие не просто снижения, а частично полного исчезновения доходов (и / или ожидания такого исчезновения).

По мировой экономике в результате был нанесен сильный удар, который должен отбросить ее даже с тех, с трудом удерживавшихся позиций, которые она занимала в конце 2019 г. В марте расчеты, выполненные при предположении, что пики эпидемии в Китае в первом квартале и вспышки в других странах будут умеренными, давали оценку снижения глобального роста ВВП на уровне 0,5 процентного пункта (Пандемия..., 2020). Однако, хотя пандемия накрывала экономический мир последовательными волнами, а не одномоментно (когда остановилась экономика в Европе и США, Китай начал восстанавливаться, а в Республике Корея и Японии экономика практически не пострадала от остановки, когда в кризис погрузились Россия и Бразилия, началось медленное восстановление экономики в Европе и США), ожидания быстрого «отскока» мировой экономики оправдались лишь частично.

Апрельский прогноз МВФ предсказывал падение мирового ВВП в 2020 г. на 3%, а мирового экспорта на 11% (World Economic Outlook, 2020). Конечно, ситуация во многом определяется реальной длительностью замораживания экономической активности. Она с трудом поддается прогнозу и позволяет строить лишь более или менее правдоподобные предположения. Согласно одному из таких предположений (выдвинутых страховой компанией Euler Hermes) базовым сценарием является трехмесячный шок с полной изоляцией на один месяц и частичной активностью после этого. Для расчета параметров этого сценария был использован опыт Китая, в котором месяц жесткой изоляции привел к снижению потребительских расходов на 13%, падению инвестиций на 20% и сокращению экспорта на 16% (Пандемия..., 2020). Расчеты показали, что каждый месяц изоляции может приводить к падению реального ВВП на 7–10%. Если экономики развитых стран восстановят в основном уровень экономической активности к началу июля, снижение ВВП можно оценить в 2–4% за квартал. В целом за 2020 г. темп роста мирового ВВП ожидается на уровне 0,5% вместо ранее прогнозировавшихся 2,4% (COVID-19..., 2020). Другие модели предсказывают нулевой

темпы роста мировой экономики в 2020 г. (World Economic Prospects, 2020) и даже минус 3% (World Economic Outlook, 2020).

В любом случае ожидавшееся в 2019 г. ухудшение мировой экономической конъюнктуры стало фактом, хотя развернувшийся в первом полугодии 2020 г. кризис является «неправильным» с точки зрения канонической теории экономического цикла. Впрочем, именно особенности «спускового механизма» этого кризиса могут обусловить тот факт, что из эпизода, вызванного внеэкономическим форс-мажором, он может перейти в форму уже традиционного долгового кризиса, учитывая беспрецедентные размеры государственных вливаний на поддержание бизнеса и личных доходов, которые осуществляются рядом развитых стран. Размеры государственных пакетов помощи, которые финансируются за счет наращивания государственного долга, составляют по оценкам и официальным программам 10% ВВП в США, 37% ВВП в Германии, 20% в Италии, 16% в Великобритании, около 20% в Японии. Особняком в этом плане стоят Китай и Россия, в которых пакеты помощи экономике оцениваются в 1,3 и 2,8% соответственно, причем это в основном не монетарные, а фискальные меры поддержки (Япония..., 2020). Но следует учитывать еще и риски, связанные с цепочками неплатежей и связанными с ними банкротствами в бизнесе практически всех стран. Все это делает ситуацию в мировой экономике, а следовательно и перспективы для российской экономики, чрезвычайно туманными.

Впрочем, Россия умудрилась войти в вызванный пандемией «странно карантинный» режим, который отсчитывается с конца марта, уже существенно ухудшив стартовые экономические позиции в результате развала сделки ОПЕК+, что привело к практически немедленному обрушению нефтяных цен на мировом рынке. Конечно, цены объективно должны были снижаться из-за упомянутого выше обвала спроса сначала в Китае, а затем и во всем мире. Сейчас можно только в процессе симулирования оценивать, насколько реальное падение цен оказалось кардинальнее того, которое произошло бы при принятии решений об ограничениях добычи или хотя бы при сохранении путем какого-то компромисса действовавших на начало марта лимитов в рамках ОПЕК+. Однако компромисса не случилось, возможно из-за очередного просчета (не первого и далеко не последнего) аналитиков нефтегазового сектора, и цены на нефть снизились катастрофически, не оставляя шансов на создание хоть какого-то резерва бюджетных доходов для финансирования неизбежных в условиях остановки экономической активности в стране компенсационных мер.

На момент выхода в свет этого номера журнала российская экономика находится в режиме частичной остановки уже в течение трех месяцев. Непосредственная блокировка коснулась примерно 52% (по величине валовой

добавленной стоимости) видов экономической деятельности¹. В соответствии с опубликованным в конце мая обзором Министерства экономического развития РФ в апреле после прироста в первом квартале объема ВВП в размере 1,6% по сравнению с первым кварталом 2019 г. (269,4 млрд руб.) зафиксировано снижение на 12% по сравнению с апрелем 2019 г. (1056,4 млрд руб.). То есть апрельское падение экономики привело к снижению объема ВВП РФ за четыре месяца 2020 г. на 0,8%, а снижение ВВП в апреле по сравнению с мартом 2020 г. составило 8,3%², что соответствует вышеприведенным оценкам (среднемесячное снижение в размере 7–10% ВВП), полученным в среднем по странам ОЭСР. В течение всего мая российская экономика оставалась блокированной, хотя и с небольшими послаблениями во второй половине месяца. В июне только некоторые виды деятельности в ряде регионов были частично разблокированы (строительство, обрабатывающие производства в промышленности, некоторая часть торговли непродовольственными товарами и другие), общий размер заблокированной экономики в июне приблизительно можно оценить в 30–35% ВВП. Следовательно, с известной условностью общие прямые потери (снижение ВВП) в экономике России от пандемии в предположении, что период «самоблокирования» экономики ограничится вторым кварталом, измеренные как разность между объемами ВВП во втором и в первом кварталах 2020 г., могут быть оценены в 3,7–3,8 трлн руб. (сокращение объема ВВП по сравнению с январем – мартом 2020 г.).

В то же время снижение при этих предположениях объемов ВВП в первом полугодии 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. оценивается в 8,5–10%. Это означает, что, если во втором полугодии 2020 г. темпы прироста в экономике вернутся к уровням первого квартала (1,8%), снижение объема ВВП в 2020 г. по сравнению с 2019 г. может составить 12–14%, что соответствует потере от 13,2 до 17,4 трлн руб.

Правда, экспертами и в правительстве, и в «независимых» аналитических центрах итоги 2020 г. довольно единодушно оцениваются значительно оптимистичнее. Так, например, ЦБ РФ в конце апреля обнародовал прогноз, согласно которому снижение ВВП составит во втором квартале 8%, но в целом за год оценивается в 4–6%. Прогноз ЦБ не удивителен, так как он в точности соответствует прогнозу МВФ. Дублирует прогноз МВФ и Счетная палата РФ устами А. Кудрина, предрекая снижение ВВП в текущем году на 3–5% (Рост..., 2020). Есть и замечательно оптимистичный прогноз, вышедший из стен Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в соответствии с которым российский ВВП в 2020 г. увеличится от 2 до 4%

¹ Рассчитано по данным: Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (Валовой региональный..., 2019); Валовой внутренний..., 2020.

² Рассчитано по: Картина..., 2020; Валовой внутренний..., 2020.

(Прокофьев, 2020). Правда, для этого темп роста во втором полугодии должен составить минимум 111%. Обосновывается этот рост возникновением «отложенного спроса». Правда, почему этот отложенный спрос представляет собой не восстановление потерянного во втором квартале спроса, а чуть ли не на порядок превышает его, понять трудно, во всяком случае без ознакомления с логикой рассуждения авторов доклада.

Вместе с тем, существуют и значительно менее оптимистичные и более приближенные к вышеприведенной оценке в 12–14% снижения объема ВВП мнения. В частности, эксперты РАНХиГС считают, что российский ВВП сократится по итогам года на 7–12%, а в докладе «Коронакризис-2020: что будет и что делать?» фонда «Либеральная миссия» называется оценка падения в 9% (Рост..., 2020). По оценке С. Хестанова, размер снижения ВВП может составить 8–10% (4,3–6,5 трлн руб.) (По итогам..., 2020), а в прогнозе, приведенном в макроэкономическом обзоре Национального рейтингового агентства (НРА), сумма ущерба от снижения ВВП оценивается в 17,9 трлн руб. (Эксперты..., 2020).

Конечно, снижение объема ВВП – далеко не единственный негативный результат блокирования экономики как средства борьбы с пандемией. Выше отмечалось, что размер бюджетных расходов на эти цели оценивается в 2,8% годового ВВП, или в 3 трлн руб. При этом Минфин РФ оценивает снижение только нефтегазовых доходов бюджета в марте – мае 2020 г. в 268 млрд руб. (Российский..., 2020). Уровень нефтяных цен трудно прогнозировать, можно предположить, что с восстановлением экономической активности в странах ОЭСР цены поднимутся вслед за ростом совокупного спроса, но, по прогнозам МВФ, среднегодовая цена нефти в 2020 г. составит лишь 37 долл. США за баррель, что означает сохранение выпадающих доходов российского бюджета как минимум до конца 2020 г. Следовательно, потери бюджета могут составить только за счет выпадающих нефтегазовых доходов до конца года более 1,5 трлн руб. К этому следует добавить как минимум 5 трлн руб. недополученных доходов бюджета из-за отмеченного выше снижения номинальной величины ВВП. Учитывая вышеупомянутую стоимость «антикоронавирусного» пакета, а также 2,4 трлн руб., выплаченные правительством Центральному банку за пакет акций Сбербанка, общие финансовые затраты можно оценить в 11–12 трлн руб. Фонд национального благосостояния, величина которого на начало года составляла порядка 7,5 трлн руб., не сможет покрыть эти затраты, необходимо будет прибегнуть к увеличению государственного долга.

Резюмируя, следует отметить, что опасения перехода российской экономики от стагнации в кризис в случае очередного шока спроса оправдались. Шок оказался нестандартным не столько потому, что обусловлен внеэконо-

мическими событиями, сколько в связи с тем, что синхронизировались экзогенные и эндогенные факторы обвала спроса в экономике. При этом сама логика и социально-экономические проявления спада вполне укладываются в логику классических финансово-экономических кризисов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валовой внутренний продукт / ФСТС. 2020. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/kv/tab5.htm (дата обращения: май 2020).
- Валовой региональный продукт // Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г. / ФСТС. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: май 2020).
- Главное таможенное управление КНР (GACC). URL: <http://www.customs.gov.cn> (дата обращения: апрель 2020).
- Григорьев Л.М., Макарова Е.А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24–46. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-24-46>
- Григорьев Л.М., Подругина А.В. Особенности циклических колебаний после Великой рецессии // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 6. С. 57–65.
- Ершов М.В., Танасова А.С. Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-5-23>
- Информация Министерства экономического развития РФ от 7 апреля 2020 г. «О средней цене на нефть сорта «Юралс» за март 2020 года» / Гарант. 2020. 8 апреля. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73755532/#review> (дата обращения: апрель 2020).
- Калмыков А. Китайский коронавирус против мировой экономики. Разразится ли глобальный кризис? / BBC. Русская служба. 2020. 4 февраля. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51330371> (дата обращения: апрель 2020).
- Картина деловой активности за апрель 2020 года / Министерство экономического развития РФ. 2020. 5 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/153d3784c10e3d2475e177b296d601b7/200528_.pdf (дата обращения: май 2020).
- Минакир П.А. Российская экономика: между кризисами // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 7–23. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023>
- Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015>
- Мировой рост продолжает оставаться вялым // Перспективы развития мировой экономики / IMF. 2019. Июль. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2019/07/18/WEOupdateJuly2019> (дата обращения: апрель 2020).
- Пандемия COVID-19. Биология и экономика. Специальный выпуск: информационно-аналитический сборник / под ред. М.Ф. Мизинцевой; ВИНТИ РАН. М.: Перо, 2020. 110 с.
- По итогам 2020 года экономика РФ может упасть на 8–10% – прогноз // REGNUM. 2020. 29 апреля. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2932947.html> (дата обращения: апрель 2020).
- Прокофьев А. По какой букве пойдем: экономика России после коронавируса // Полит. ру. 2020. 8 мая. URL: <https://polit.ru/article/2020/05/08/potoisamoi/> (дата обращения: май 2020).
- Российский ВВП в апреле снизился на 12% // Вести.Ру. 2020. 29 мая. <https://www.>

- vesti.ru/doc.html?id=3269199&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: май 2020).
- Рост ВВП России в I квартале составил 1,8% // Ведомости. 2020. 28 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/04/28/829232-rost-vvp-rossii> (дата обращения: апрель 2020).
- Сокращение внешнеторгового оборота России в условиях замедления роста мировой экономики // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Декабрь 2019. № 56. 2019. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 24 с.
- Эксперты РЭУ о влиянии коронавируса на экономику / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. 2020. URL: <https://www.rea.ru/ru/koronavirus/Pages/koronavirus-experti.aspx> (дата обращения: май 2020).
- Япония выделит на борьбу с последствиями коронавируса для экономики еще \$83 млрд // Интерфакс. 2020. 20 апреля. URL: <https://www.interfax.ru/world/705128> (дата обращения: май 2020).
- Global Trade Impact of the Coronavirus (COVID-19) Epidemic. Trade and Development Report Update. / UNCTAD. 2020. 4 March. 7 p. URL: <https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditcinf2020d1.pdf> (дата обращения: апрель 2020).
- World Economic Outlook: The Great Lockdown / IMF. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/World-Economic-Outlook-April-2020-The-Great-Lockdown-49306> (дата обращения: апрель 2020).
- World Economic Prospects / Oxford Economics. 2020. March. URL: <https://resources.oxfordeconomics.com/hubfs/WEP/WPEPM%20March%202020%20Word-forecast%20update%202.pdf> (дата обращения: апрель 2020).

REFERENCES

- Business Activity Picture for April 2020*. Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2020, 5 p. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/153d3784c10e3d2475e177b296d601b7/200528_.pdf (accessed May 2020). (In Russian).
- Ershov M.V., Tanasova A.S. The World and Russia: Inflation is Minimal, Economic Growth is Slowing, Risks are Rising. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 2019, no. 12, pp. 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-5-23> (In Russian).
- Experts of Plekhanov Russian University of Economics: Impact of Coronavirus on the Economy*. Plekhanov Russian University of Economics, 2020. Available at: <https://www.rea.ru/ru/koronavirus/Pages/koronavirus-experti.aspx> (accessed May 2020). (In Russian).
- Global Trade Impact of the Coronavirus (COVID-19) Epidemic. Trade and Development Report Update*. UNCTAD, 2020, 4 March, 7 p. Available at: <https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ditcinf2020d1.pdf> (accessed April 2020).
- Grigoryev L.M., Makarova E.A. Capital Accumulation and Economic Growth after the Great Recession. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 2019, no. 12, pp. 24–46. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-24-46> (In Russian).
- Grigoryev L.M., Podrugina A.V. The Specifics of Cyclical Fluctuations after the Great Recession. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya* [Management Theory and Practice], 2016, no. 6, pp. 57–65. (In Russian).
- Gross Domestic Product*. Federal State Statistics Service, 2020. Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/vvp/kv/tab5.htm (accessed May 2020). (In Russian).
- Gross Domestic Product. Region of Russia. Socio-Economic Indicators-2019*. Federal State Statistics Service, 2019. Available at: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (accessed May 2020). (In Russian).

- Japan will Allocate another \$83 Billion to Combat the Effects of Coronavirus on the Economy. *Interfaks* [Interfax], 2020, April 20. Available at: <https://www.interfax.ru/world/705128> (accessed May 2020). (In Russian).
- Kalmykov A. Chinese Coronavirus against the World Economy. Will the Global Crisis Break Out? *BBC News Russian*, 2020, 4 February. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-51330371> (accessed April 2020). (In Russian).
- Minakir P.A. Russian Crisis: Expectations against Facts. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018, no. 1, pp. 7–15. <https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015> (In Russian).
- Minakir P.A. Russian Economy: Between Crisis. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 7–23. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.1.007-023> (In Russian).
- «On the Average Price of Urals Grade Oil for March 2020». Information from the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated April 7, 2020. Garant.ru, 2020, 8 April. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73755532/#review> (accessed April 2020). (In Russian).
- Prokofev A. What Letter will We Follow: Russia's Economy after Coronavirus. *Polit.ru* [Polit.ru], 2020, May 8. Available at: <https://polit.ru/article/2020/05/08/potoisamoi/> (accessed May 2020). (In Russian).
- Reduction of Russian Foreign Trade Turnover amid Slowing Global Economic Growth. *Bulletins on Current Trends in Russian Economy*. December 2019, no. 56, 2019. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation, 24 p. (In Russian).
- Russian Economy may Fall by 8–10% by Results of 2020: Forecast. *REGNUM*, 2020, 29 April. Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2932947.html> (accessed April 2020). (In Russian).
- Russian GDP Fell by 12% in April. *Vesti.ru* [News.ru], 2020, May 29. Available at: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3269199&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_source=YandexZenSpecial (accessed May 2020). (In Russian).
- Russia's GDP Growth was 1.8% in the First Quarter. *Vedomosti* [News], 2020, 28 April. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/04/28/829232-rost-vvp-rossii> (accessed April 2020). (In Russian).
- Still Sluggish Global Growth. *World Economic Outlook, July 2019*. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2019/07/18/WEUpdateJuly2019> (accessed April 2020). (In Russian).
- The COVID-19 Pandemic. Biology and Economics. Special Issue: Information and Analytical Collection*. Edited by M.F. Mizintseva. Russian Institute for Scientific and Technical Information (VINITI RAS). Moscow, 2020, 110 p. (In Russian).
- The General Administration of Customs of the People's Republic of China (GACC)*. Available at: <http://www.customs.gov.cn> (accessed April 2020). (In Russian).
- World Economic Outlook: The Great Lockdown*. IMF, 2020. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/World-Economic-Outlook-April-2020-The-Great-Lockdown-49306> (accessed April 2020).
- World Economic Prospects*. Oxford Economics, 2020, March. Available at: <https://resources.oxfordeconomics.com/hubfs/WEP/WEPM%20March%202020%20Word-forecast%20update%202.pdf> (accessed April 2020).

Поступила в редакцию / Submitted: 31.05.2020

Принята к публикации / Revised: 10.06.2020

Опубликована online / Published online: 30.06.2020